

На концерте

Независимая газ. — 1993. — 17 июля. — С. 7.

В МУЗЫКЕ К СВЕТУ

Рафилъ Минеев — пианист, композитор, импровизатор, скэт-певец

Анатолий Агамиров

Per aspera

В ПЕРВЫЕ я увидел и услышал Рафиля Минеева на сцене зала Дома кино. Юноша, внешне почти мальчик, очень застенчивый, он как-то робко подошел к роялю, сел и уверенно заиграл музыку, которую нельзя назвать ни джазовой, ни академической, а где-то на слиянии этих двух мощных потоков. Звук у пианиста полновесный, громкий, хотя чуть «плосковатый», он не всегда умело пользуется педалью, что для пианистов-джазистов вообще характерно. Мне тут же пояснили, что Рафилъ слеп от рождения, и вся его пианистическая карьера — это преодоление невероятных трудностей, которые известны только его товарищам по несчастью.

Слушая Рафиля Минеева, я невольно ловил себя на мысли, что не могу делать скидок на его инвалидность. Да это было и не нужно. В короткой истории джаза есть два великих примера слепых пианистов и композиторов. Оба американцы, оба вошли в историю джаза. Это Арт Тейтум — человек, который играл рэг-таймы с рахманиновской хваткой, — и Джордж Ширинг — лиричнейший композитор и музыкант, чьи темы немного напоминают Шуберта. По утверждению американских рецензентов, оба великих слепых совершенно не комплексовали по поводу своей ущербности, наоборот, считали слепоту преимуществом, так как она давала возможность глубокой сосредоточенности в музыке, абсолютного ухода в себя. Это мудрая позиция, которую не поймут зрячие. Любого человека сживается со своим несчастьем, коль скоро оно непоправимо, а сильные духом ищут даже особую стать в своем ущербном положении. Страшно то, что судьба Рафиля Минеева могла сложиться совершенно иначе, если бы в нашей стране существовала крепкая профилактика здоровья новорожденных. Родись Рафилъ, скажем, в Балтиморе, его бы прооперировали и он ничем бы не отличался от других здоровых детей. Впрочем, может быть, был бы менее тонок, менее деликатен и художественно восприимчив. Но ведь все это ерунда рядом с возможностью видеть! Сегодня Рафилъ Минеев идет к свету через звук, через музыкальное восприятие звуков, которое создает сам. Внутренним зрением он различает цвет, дает цветовое определение разных тональностей.

На рояле Рафилъ выучился играть сам, по слуху, отсюда огре-

Уголок старой Москвы на Бауманской. Здесь можно спокойно погулять одному

хи в пианистической технике, заметные только профессионалу. Сперва он научился играть на трехрядке, затем взял в руки баян, к фортепианной клавиатуре подошел достаточно поздно. Громадную роль в его жизни сыграли радио, пластинки, магнитофонные записи. Автор статьи, профессиональный радиожурналист, для себя с удовольствием отметил: оказывается, радио иногда приносит несомненную пользу. В маленьком городке под Екатеринбургом, где родился Рафилъ Минеев, радио стало путеводным маяком в судьбе талантливого слепого мальчика. Этот маяк привел его в Курск в специализированное училище для инвалидов детства. Потом его джазовые импровизации услышали в Москве, но главная удача Рафиля Минеева — знакомство с Владимиром Христофоровичем Хачатуровым, педагогом эстрадного отделения Му-

зыкального училища им. Гнесиных. Подвижничество В. Хачатурова давно сняло добрую славу. Хачатуров верит в счастливую звезду Рафиля, надеется, что академик Федоров поможет хотя бы частично вернуть Рафилю зрение.

Этим летом Рафилъ поступил в Гнесинское училище на отделение эстрадного пения. Для себя он сочиняет фонограммки, под которые поет довольно любопытные импровизации. Три раза в неделю играет в ночном баре, что в угловом доме на Петровке, 18, рядом с рестораном «Будапешт». Работа его не утомляет, ибо фортепиано — это вся его жизнь. Трудно поверить, но он весьма оптимистичен, может быть, потому, что нашел в музыке дорогу к свету.

Мы же, зрячие, более похожи на слепых: все суеتمدимся и суеتمدимся в потемках.

На занятиях с педагогом Владимиром Хачатуровым